

ПАВЕЛ КРЕНЕВ

ПОД БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕЙ

Павел Григорьевич Кренев Под Большой Медведицей

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24181886

Под Большой Медведицей. Повести/ Кренев П. Г.: Издательский дом

«Сказочная дорога»; Москва; 2013

ISBN 978-5-4329-0043-2

Аннотация

Павел Кренев (Поздеев Павел Григорьевич) – писатель интересный и самобытный. Палитра творческих интересов его необычайно разнообразна и разнокрасочна. Это и глубокое проникновение в людские характеры и судьбы, и отображение неповторимых красок русской природы, великолепия и очарования морских пейзажей. Своими историческими зарисовками он увлекает нас в мир прошлых интереснейших событий. Написанные им детективы, наполненные ошеломляющими деталями, яркими сюжетными поворотами, свидетельствуют о прекрасном знании автором излагаемого материала.

Он умеет писать о зверье и птицах как о самодостаточных участниках Божественного мироздания. Писателю бесконечно дорог Русский Север, побережье Белого моря, где прошло его детство. Люди, живущие там, – одна из главных ценностей его жизни.

Павел Крнев служил в армии, работал журналистом, являлся сотрудником органов государственной безопасности, был директором крупных государственных учреждений и предприятий.

В новую книгу вошло несколько остросюжетных повестей. События развиваются в них стремительно, захватывают своим драматизмом. Нас волнуют эти искренние, щемящие сердце человеческие истории...

Содержание

Девятый

Конец ознакомительного фрагмента.

6

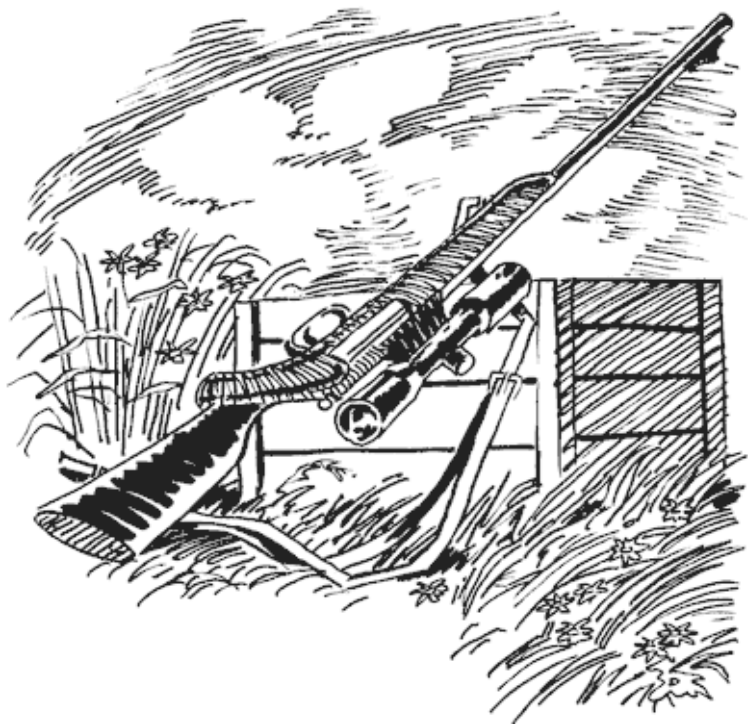
87

Павел Кренев

Под Большой Медведицей

Девятый

1

Снайпер, стрелявший с молдавской стороны – с правого

берега Днестра, – за короткий срок создал много проблем для жителей Тирасполя. За две недели он убил шесть человек. Двое из них погибли на мосту через Днестр, остальные попали под огонь в прибрежной зоне.

Начальник штаба 59-й дивизии Самохвалов и начальник Особого отдела дивизии Шрамко, куда из Москвы был прикомандирован майор Гайдамаков, уже несколько раз вызывали его к себе и торопили:

– Когда ты наконец разберешься с этим гадом? Обстановка и так сложная, а этот киллер терроризирует население...

Николай пытался что-то отвечать, да что тут скажешь – люди гибнут, а он пока ничего поделывать не может. Этот снайпер, скорее всего, был «солдатом удачи», наемником. И стрелял он из классного бельгийского или итальянского «винтореза» калибра 7,65 мм.

В поединке с ним истребитель снайперов Гайдамаков едва не погиб сам.

Очень важная задача – максимально точно выявить, откуда ведется стрельба, чтобы потом, на огневой позиции, не рыскать глазами и прицелом по всему горизонту. Есть единственный шанс для стреляющего: поднять винтовку, прицелиться за доли секунды в заранее определенное место и один раз выстрелить (если успеешь, конечно). Других вариантов у снайпера, который охотится на таких же, как он, снайперов, не существует.

Николай внимательно осмотрел каждого погибшего. Че-

ловец, пославший пули, был великолепным стрелком. На расстоянии триста метров он попадал только в голову. По входным и выходным пулевым отверстиям Гайдамаков определил, откуда велся огонь. Таких мест оказалось три. Это были участки правого берега Днестра, разбросанные по периметру длиной около километра. Однако с довольно с большой точностью удалось определить расположение самих огневых позиций: каждая из них находилась на отрезках берега длиной около 50 метров.

Николай с двумя напарниками, проезжая на машине по левому берегу, сфотографировал эти участки метр за метром, используя хорошую японскую технику, какой пользуются вездесущие папарацци.

В лабораторных условиях кадры смонтировали воедино. Получилось изображение трех береговых участков хорошего качества. Снимки были увеличены, и началось изучение мест, где мог находиться снайпер. В принципе любое дерево, любой куст или лежащий на земле предмет могли быть его укрытием.

Когда Николай учился снайперскому делу, в моду входили экзотические маскировочные одеяла – всякие там «Кикиморы» и «Лешие». В ткань их были вшиты химические волокна, неплохо копирующие траву, мелкий кустарник, сено и даже полевые цветочки. Если стрелок укрылся под таким одеялом, растянулся на земле, – пройдешь рядом с ним – не заметишь его, лежащего. Одно плохо: окраска земли вез-

де разная, и если у тебя покрывало под цвет осеннего поля, то ложиться посреди летней травы – самоубийство. Поэтому Николай и не использовал этих «Кикимор» и всегда старался вписаться в местный ландшафт, тщательно изучив то место, откуда надо было стрелять.

Долго всматривался Николай в рельеф противоположного берега, отображенного на фотоснимках, долго искал лежку снайпера, которого необходимо было «погасить» в самые короткие сроки. Он никогда он не говорил: «Я убил снайпера», «Я застрелил снайпера». Нет, только «погасил». Откуда пошло это, он не знал. Может, из нежелания произносить слово «убил» по отношению к человеку. А может быть, из уважения к равному себе, человеку такого же ремесла, тоже мастеру своего дела – хитрому, искусному профессионалу. Так охотники-промысловики Севера и Сибири никогда не скажут: «Я убил медведя», не станут этим бравировать, а только тихонько промолвят: «Было дело, положил я его». Или: «Добыл зверя», но не убил.

Когда Николай изучал местность и разыскивал место огневой позиции противника, он всегда прислушивался к самому себе: а где бы я сам расположился? И это облегчало задачу, потому что все снайперы мыслят примерно одинаково.

Вот они на фотографиях – участки противоположного берега, откуда велась стрельба. Ни там ни тут ничего примечательного, везде примерно одинаковый пейзаж: невысокий отлогий берег, редкие деревья, чахлый кустарник, торчащий

словно пучки волос на лысине.

Где может укрываться снайпер?

Казалось бы, все просто: спрятался за каким-нибудь объектом и, когда цель появилась, – выдвинулся, прицелился и выстрелил. Но опытные снайперы знают: так могут вести себя только школяры-первогодки. Появиться из-за укрытия снайпер может только во время боя, когда пальба со всех сторон и на тебя не обращают внимания. В условиях же охоты на людей в мирное время любому снайперу известна железная логика: как только ты создал новую выпуклость над земельным контуром – в эту выпуклость, то есть между глаз стрелка, немедленно прилетит пуля. Каждый стреляющий по противнику снайпер знает: за ним идет охота! Поэтому, если он хочет остаться в живых, он не должен торчать над землей. Надо уметь слиться с ней, с травой, кустами и деревьями, буквально быть внутри их. Во время многочасовых лежек на боевой позиции надо иметь силы и такую подготовку, чтобы не сделать ни одного неосторожного движения, чтобы не уснуть от усталости, совладать с естественным волнением, даже предусмотреть, как ходить под себя по малой нужде неподвижно и не создавая сырости.

Николай Гайдамаков, исходя из собственного опыта и, наверно, интуиции, определил на фотографиях места, где мог прятаться «солдат удачи». В первом случае это, скорее всего, была небольшая свалка старых автомобильных шин, валившихся бесформенной кучей на противоположном бере-

гу. Видимо, эту свалку создал сам стрелок (стаскал в одну кучу десятков покрышек, валявшихся по разным городским канавам).

Вторая лежка могла находиться за небольшим, но довольно густым можжевельным кустом, торчащим на покато́й вершинке небольшого холмика. Скрываться за такими кусточками Николай любил сам. Сзади куста наверняка короткая траншейка, вырытая саперной лопаткой, чтобы можно было незаметно подползать, а в случае необходимости – и уползть за пригорок.

Над третьей возможной стрелковой позицией Гайдамаков гадал долго, но к окончательным выводам так и не пришел. Это был почти голый кусок местности на молдавской стороне перед мостом через Днестр. В самом деле, где тут мог укрыться снайпер? Узкий сектор обстрела, территория вся хорошо просматривается. Мало кустов, почти нет деревьев, чахлая трава. На земле – кучки песка, бруски да доски, мусор, оставленный весенним половодьем. На поверхности выделяется только не весть когда и кем брошенное метровое бетонное кольцо. Из таких составляют колодцы. Прятаться внутри него – бред! Только младенец там спрячется с игрушечной винтовочкой.

Но откуда-то отсюда снайпер убил двух человек. В общем, третью позицию, даже сугубо приблизительно, Николай так и не определил.

А ночью, точнее, рано утром Румын (так Николай сам для себя обозвал чужого снайпера) вновь убил человека – жителя Приднестровья. Тот вышел спозаранку погулять с собакой и домой не вернулся. Был он пенсионером, вышел в самую рань. Пенсионеры встают рано. Он лежал рядом с прибрежной дорожкой головой к воде. К губе прилипла потухшая сигарета. А рядом сидела и скулила собака – ирландский сеттер.

Начштаба дивизии Самохвалов по телефону выругал Гайдамакова самыми скверными словами. Сказал, что у него делегация от местных жителей. Люди скандалят – армия бросила гражданское население на произвол судьбы, ему звонят из штаба армии, грозят карами и т. д. Дал два дня сроку.

Даже пригрозил:

– Если не разберешься с этим ублюдком, то я с тобой самим разберусь. Ты, майор, совсем мышей ловить перестал! На хрена мне такие прикомандированные! Всю картину мне портишь! Чего молчишь?

– Не знаю, что и сказать, товарищ подполковник. Виноват.

– Два дня! – и бросил трубку. Подполковнику надо получать очередную третью звезду, а Николай, получается, тормозит этот процесс. Что тут поделаешь? Армия она и есть

армия.

Где гарантия, что Румын вновь выйдет на охоту в эти два дня? Может, с девушкой загуляет, или в запой уйдет, или в бане засидится. А может быть, как раз в эти два дня у него проснется совесть и он перестанет убивать людей?

Хотя вряд ли. У наемного снайпера тоже кто-то над душой стоит и тоже нудит: «Давай трупы, давай! Зря мы тебе, что ли, деньги такие платим?!»

В середине этого же дня Николай взял напарника – молоденького лейтенанта из дивизионной разведки Виталия Нефедова – и пошел с ним к гастроному. Там они купили четыре бутылки пива и пару рыбин копченой скумбрии. На заднем дворе прихватили три пустых деревянных ящика из-под каких-то консервов и пошли на берег Днестра, примерно туда, где недавно снайпером с противоположного берега были застрелены три человека. Напротив, на другом берегу, на пригорке, чуть виднелся можжевельниковый куст, из-за которого, скорее всего, и велась стрельба.

Логика у Гайдамакова была проще некуда: Румын должен поменять позицию. А их у него еще две: у куста и где-то рядом с мостом – в месте, пока что точно не установленном.

Выбора особого и не было. Николай решил сделать засидку здесь.

Они расставили ящики на открытом берегу, на небольшом пригорке, совсем рядом с водой. Два ящика – как стулья, один – как стол. Разлили по пластиковым стаканам пиво

и долго сидели, судача о том о сем.

Николай изучал обстановку.

Вот от этого ящика, что расположен повыше, идет пологий спуск к противоположной от берега стороне. Здесь можно прорыть к ящику короткую канавку. Тут заляжет напарник и будет изображать из себя снайпера, будет приманкой.

Где же залечь ему?

Ага, вот! Метрах в тридцати на берегу стоит толстая сосна. Рядом со стволом – травка, метляк да клевер. Теперь понятно, чем маскировать себя и винтовку. Хотя Гайдамаков не любил делать позиции за деревьями, пнями и кустами. Его любимые места – почти ровные, совсем неприметные, неожиданные, где глазу зацепиться не за что.

Николай не боялся, что Румын будет стрелять по ним сейчас. «Солдат удачи» охотился только вечером, в начале сумерек, или ранним утром, когда на берегу нет посторонних людей, а есть лишь одиночные мишени.

Гайдамаков хотел сейчас лишь одного: чтобы Румын все же увидел, откуда появились ящики на противоположном берегу.

Когда они уходили, Николая озаботила еще одна мысль: лишь бы ящики кто-нибудь не стащил.

В городе на травянистом дворе он нарвал метляка и клевера, завернул их в бумагу, а дома, уже вечером, аккуратно закрепил траву и цветы на маскхалате, а вдоль ствола и цевья своей СВД примотал их простой зеленой ниткой: капро-

новые при луне дают легкие блески и слегка отсвечивают.

В начале ночи, когда на Днестр и его берега упала плотная темень, они с напарником Нефедовым выдвинулись к выбранной позиции. Он помог Нефедову подготовить ложную огневую точку. При почти абсолютной тишине они вырыли саперными лопатками окопчик, в котором лейтенант смог бы лежать, растянувшись во весь рост и надежно спрятавшись. Землю складывали на плащ-палатку и высыпали поодаль. У ящика в торце окопчика, лежащего вверх дном, Николай аккуратно выломал нижнюю дощечку и в проем просунул винтовку Нефедова. Снайперский прицел специально выдвинул слегка вперед, чтобы его ничего не заслоняло. Задача Нефедова – лежать на дне окопчика, не высовываться и лишь по команде, держа винтовку за ремень, слегка колебать прицел, создавая блики от оптики. Со стороны – полная иллюзия, что снайпер хорошо замаскировался за ящиком и его сложно обнаружить. И в то же время опытный стрелок с того берега его разглядит сразу.

Сам Николай лег за сосной. Так же вырыл траншейку, надежно укрыл в траве свою старую верную СВД. Проверил, достаточно ли выдвинута бленда у прицела – это чтобы передняя линза не мерцала в утреннем свете. Затвор передернут еще до выхода на позицию, и патрон дослан в патронник.

Ближе к утру, когда запоют птицы, он снимет предохранитель, и этот негромкий металлический звук затеряется в шуме воды, ветра и птиц.

Каждый металлический щелчок на боевой позиции может привести к гибели: с недавнего времени снайперы, воюя друг с другом, стали применять звукоулавливатели – черные тарелки, похожие на репродукторы военных времен. Сидит ночью снайпер, готовясь к утренней охоте, и, надев наушники, изучает все звуки перед собой. Метрах в двухстах слышно, как мышка с мышкой пересвистываются в своей норке. Неосторожный металлический звук означает, что напротив засел враг и готовит винтовку к стрельбе.

Гайдамаков снабдил Нефедова переговорным устройством системы «Конверс». Очень удобная штука: легкий приемник в кармане, на ухе – наушник, у рта – маленький микрофон. Прекрасно ловится разговор шепотом.

Залегли они, конечно же, слишком рано. Гайдамаков почти не сомневался, что Румын, если он вообще сегодня придет, появится только перед рассветом. У него все давно готово, к позиции он привык, хорошо знает местность, и он удачлив, у него нет ни одного сбоя.

А у Гайдамакова все наоборот – он здесь первый раз.

Пять часов полудремы, полубодствования. Короткие контрольные переговоры с Нефедовым, напутствия: «Не высовывайся», «Действуй только по команде».

Он лежит сзади Нефедова, чуть сбоку, в тридцати метрах. Его лежка метра на два выше лежки лейтенанта.

Вот и засерело утро. Где-то ниже по течению отдаленно, но четко завывоваривал свою длинную песню первый петух.

На том берегу защebetала проснувшаяся от утренней прохлады птаха.

Долго еще стояли сумерки, и солнце пока и не думало подниматься, но на востоке со стороны темнеющего города уже выползло на белый свет и разливалось по небу, по всей его ширине, раннее утро. Над рекой поплыл белесый туман.

Противоположный берег просматривался с трудом. Можжевелового куста долго не было видно. И вот сквозь утреннюю сырость стали проглядывать его очертания.

Гайдамаков легким шепотом дал команду:

– Пошевели прицелом.

И Нефедов послушно поводил винтовку за ремень из стороны в сторону.

Николай внимательно вглядывался сквозь цейссовские стекла в очертания куста. Все в нем было как и накануне: никаких признаков изменений, никаких неестественно торчащих веточек. Куст как куст!

– Замри! – приказал Николай.

Лейтенант приказ исполнил.

Никаких движений на той стороне.

Минут через десять еще команда:

– Пошевели!

Прицел Нефедова опять стал шевелиться, будто на берегу он искал цель, – типичные действия снайпера, вроде бы хорошо замаскированного, но не знающего ничего о своем объекте.

Вдруг с левой стороны куста будто бы тронулись веточки. И замерли. Потом поплыл медленно-медленно целый пучок веточек и показался маленький кружок. Прицел!

Гайдамаков мгновенно поймал прицел Румына в перекрестие своего прицела.

Но где голова, голова где? Только прицел? И тут на другой стороне кружочка поползло что-то серо-зеленое и круглое.

«Вот и голова», – подумал Николай и нажал на спусковой крючок. Все он делал автоматически: и упреждение сделал ниже (маревое реки поднимает изображение), и на два сантиметра правее линзы прицелился. И пуля его попала в переносицу Румына.

Уже нажимая на спусковой крючок, Николай отследил вспышку винтовки Румына. Тот выстрелил на сотые доли секунды раньше. И пуля его ударила прямо в линзу прицела лейтенанта Нефедова. Благо тот лежал на дне окопчика, и свинец пролетел над его телом. Румын был прекрасным стрелком. Силой удара пули винтовку лейтенанта отбросило назад.

В Тирасполе не было события, о котором не трещали бы торговки на городском рынке. Для них никаких тайн не существовало.

В этот же день специально отправленные на рынок жены офицеров принесли весть: на молдавской стороне убит какой-то снайпер, и молдавское руководство будет отправлять труп на родину, в Румынию.

Николай потом удивлялся: надо же, как он угадал его национальность!

А начштаба Самохвалов потащил Гайдамакова к командиру дивизии, и тот в присутствии своих заместителей и начальника особого отдела Шрамко объявил Николаю благодарность, обещал представить к правительственной награде

и сказал: «За выполнение серии ответственных заданий».

– Наконец-то, – радовался он, – наша дивизия разобралась с еще одним опаснейшим врагом.

Лейтенант Нефедов по просьбе Николая также был поощрен.

2

Приднестровье – этот цветущий край – в начале 1990-х годов переживал тяжелейшие времена. Республика оказалась в эпицентре противоречий, рожденных не ею самой, а интригой истории, сгустком проблем, образовавшихся в результате развала СССР.

Всю свою историю эта земля была практически самостоятельным государственным образованием, лишь формально входившим в состав Новоруссии и Малороссии. После передела мира, вызванного Первой мировой войной, в 1918 году Румыния присоединила к себе ранее входившую в Россию Бессарабию. В 1940 году СССР вернул себе Бессарабию, часть которой стала называться Молдавией, несколько районов отошли к Украине. Приднестровье же отошло к Молдавии.

После разрушения СССР Молдавия опять стала тяготеть к Румынии. Уже в 1988 году группа молдавских националистов из числа интеллигенции создала так называемый Народный фронт, задачей которого стала румынизация наро-

да Молдавии: запрет русского языка, переход на латинский алфавит, присоединение Молдавии к Румынии. В силу того, что население Приднестровья в основном русское, позиция Молдавии на вхождение в Румынию никак не устраивала Приднестровье. В отношениях соседей наметился раскол.

Когда на предприятиях, в учреждениях и школах стали чуть ли не силой заставлять говорить не на русском, а на молдавском, а все документы составлять на «латинице», народ Приднестровья стал выходить на улицы, назревал взрыв возмущения.

Осенью 1991 года против румынизации бастовали около двухсот предприятий, еще четыреста их активно поддерживали и заявляли о готовности открыто выступить против Молдавии. По республике покати́лась волна народного протеста. На улицах начались первые открытые стычки сторонников Москвы и Румынии. В сугубо спокойном до недавних времен оазисе межнациональной и межконфессиональной дружбы создавалась обстановка ненависти.

Мир тогда разрушался по сценарию, составленному в секретных масонских лабораториях «заклятых друзей» России – США и некоторых западных стран. Главный удар наносился по СССР. Военный, экономический потенциал этой страны необходимо было сломать с одной только целью: чтобы создать управляемый со стороны Запада однополярный мир во главе с США. Для этого необходимо было разорвать по кускам СССР, растащить его по углам, создать в нем и среди

его союзников обстановку неуправляемости, бардака и хаоса. Опытный рыбак знает: в грязной мутной воде рыбу ловить легче, чем в прозрачной. Такая обстановка и создавалась.

Приднестровью – этому вечнозеленому солнечно-виноградному краю – отводилась роль пушистой дрессированной собачки, которая должна была сидеть в молдавской конуре и, что называется, не скулить и не тявкать. Дальше – больше. В июне 1990 года Верховный совет Молдавской ССР установил новое название для Молдавии – Республика Молдова – и назвал незаконным образование Молдавской ССР в 1940 году. Приднестровье, конечно же, должно было остаться в составе новой Молдовы.

В ответ на это в сентябре Чрезвычайный съезд народных депутатов Приднестровья провозгласил создание Приднестровской Республики со столицей в Тирасполе. И пошло, и поехало. А в октябре глава правительства Молдовы Мирча Друк сформировал отряд волонтеров, раздал всем оружие и повел их на штурм приднестровского города Дубоссары. Задачей штурма было взять город и объявить его столицей Приднестровья как части Молдавии. Жители города перегородили дорогу на мосту. Волонтеры открыли автоматный огонь по безоружной толпе. Погибли первые граждане Приднестровья, пролилась первая кровь.

27 августа 1991 года Молдова заявила о выходе из СССР, и с этого момента перешла к системным провокациям в от-

ношении Приднестровья. Были арестованы Президент Приднестровской республики Игорь Смирнов и несколько депутатов. Всех их поместили в кишиневскую тюрьму. Начались массовые провокации в отношении руководства и жителей республики.

Появились первые снайперы, стрелявшие в городах с чердаков, с крыш, из-за укрытий – в местах скопления людей. Люди стали бояться выходить на улицу, на работу, в магазин. Создавалась обстановка паники и хаоса.

Приднестровье ждало помощи от Москвы. Но на московском троне сидел человек, посаженный американцами, и вершил дела не в пользу России и ее интересов, а в угоду американским хозяевам.

И Приднестровье долгое время оставалось один на один со своими кровавыми проблемами.

3

Тираспольский рынок в период после развала Союза представлял собой форменный балаган. В шумном многоголосье, висящем над этим центральным городским районом, слышалось вавилонское разноязычие. Толпы горожан и приезжих бродили вдоль сбитых из чего попало торговых рядов, и продавцы – торгошаи и торговки – на ломаном русском языке с молдавским, украинским, прибалтийским, белорусским, еврейским акцентом кричали им о несомненных прелестях и

достоинствах своего товара. Здесь можно было купить все, начиная от зубочистки и кончая современной американской фугасной бомбой. Процветала почти нескрываемая торговля наркотиками и стрелковым оружием. Особенно в ходу были пистолеты ТТ и автоматы Калашникова. Это оружие растаскивалось со складов 14-й армии. Странно, если бы было по-другому: военным почти не платили жалованье, а семьям надо было на что-то жить.

Николаю Гайдамакову нравилось бывать здесь. Почти всегда, уловив свободную минуту, он шел сюда, на рынок. В этой шумной разноголосице как-то по-особому ощущался дух времени, жизненный пульс целых регионов, окружающих Приднестровье.

Люди говорили о непростой нынешней жизни, и Гайдамаков узнавал, как живется на Украине, в Прибалтике, в Молдове, в разных концах самого Приднестровья. Там, где царит торговля, как правило, нет национальной вражды, там властвуют интернационал и веселый вкус наживы и обмана.

...Глаза у подростка были вытарашены, в них сверкал ужас... Он летел среди толпы, запинаясь, натываясь на людей. Летел прямо на Гайдамакова. Рубашка на плече разодрана, в левой руке – кусок мяса с торчащей сбоку костью. Правой рукой, как мог на бегу, мальчишка расчищал себе путь в людском потоке. Сзади, метрах в сорока, бежал му-

жик восточного вида, полный, с кровавыми пятнами на грязном фартуке, и, размахивая мясорубочным топором, нечленораздельно, визгливо выкрикивал проклятия в адрес во-ришки.

Николай резко ушел в сторону, подросток и визжащий мужик с топором пронеслись мимо.

– Его надо было остановить! Почему вы не остановили его? – женский голос прозвучал совсем рядом.

Это была торговка шерстяными изделиями. Белокурая и довольно тощая, она осуждающе, почти с возмущением, глядела на Гайдамакова.

– Эта шантрапа все время что-нибудь у нас ворует. Их надо наказывать!

Николай ничего не стал ей доказывать, что-то разъяснять: мол, пожалел оборванца, голодный ведь... Да и этот мужик с топором... Зарубит еще...

Уже на обратном пути вспомнил: надо купить свитер из хорошей шерсти – ночью бывает прохладно, а приходится лежать на голой земле.

Вернувшись на рынок, он опять попал к той же блондинистой торговке. Невольно подумалось: вот, снова начнет выговаривать, укорять за того парнишку. Но она молчала, даже, как оказалось, слегка улыбнулась краешками губ. Помогла ему выбрать свитер.

– По-моему, – сказала она, – вам подойдут эти цвета. И протянула ему свитер бело-синих тонов. – Это толстая, но очень качественная ручная вязка. Зимой вам будет тепло.

В интонациях ее речи явно звучал прибалтийский акцент – она очень мягко произносила букву «л». А в голосе слышалась женская, именно женская, забота.

Николай, после того как два года назад от него ушла жена, совсем позабыл, что такое женская забота.

Он купил у торговки и свитер, и теплые носки и ушел к себе в офицерское общежитие в хорошем настроении.

А через два дня вернулся на рынок. Нашел нужный торговый ряд и тот прилавок.

– Здравствуйте! – обрадованно сказал Николай. – Вот я к вам и вернулся.

Она его узнала.

– И это очень хорошо, что вы ко мне решили вернуться. Я рада. – И улыбнулась настоящей улыбкой. – Мне нравится, когда мужчина возвращается.

В конце рабочего дня Николай зашел за ней.

Потом они бродили по набережной Днестра, по тенистым аллеям прибрежного парка и долго-долго говорили. У них оказалось много общих тем.

4

14 марта 1992 года генерал-лейтенант Юрий Неткачев, командующий дислоцированной в Приднестровье 14-й общевойсковой армией, срочно прибыл в город Парканы, где располагался один из инженерных батальонов, входивших в состав его армии.

Перед воинской частью громыхал многотысячный митинг местных жителей, казаков, военных. Главными выступающими были глава Приднестровской республики Игорь Смирнов и председатель забастовочного комитета Галина Андреева. И они, и другие ораторы клеймили позором военное руководство 14-й армии, которое не решается передать оружие гражданам республики, оказавшимся беззащитными перед молдавской агрессией.

Генерал Неткачев тоже пытался выступить перед митингующими, призвать их к порядку, но слова ему не дали.

Галина Андреева пламенными словами призвала людей на штурм воинской части, и народ, смяв караульных и часовых, ринулся на захват складов с оружием.

В течение нескольких минут склады, оружейные комнаты и пирамиды в казармах были опустошены. Из части было вынесено 1307 автоматов и пулеметов, 255 пистолетов и полтора миллиона патронов к ним, а также множество гранатометов с гранатами, мины, взрывчатка, снаряды...

Было вынесено все и роздано затем населению, казакам, бойцам спасательных отрядов, дружинникам.

Оружие ушло в народ и вскоре начало стрелять. И уже каждую ночь на берегах Днестра и по всему Приднестровью шла пальба, прерываемая пьяными криками казаков, военных, гражданских дружинников. То были «разборки» с молдаванами, пьяные драки и просто разудалые гулянки.

Мирное население перестало прогуливаться в парках, матери не выпускали детей на улицу. Милиция в этот разгул старалась не вмешиваться.

Над республикой навис неведомый доселе тяжелый непроходящий страх.

Дело усугублялось предательством со стороны России. Возглавляемая американскими ставленниками, она демонстрировала чудеса издевательства над собственным народом.

23 марта 1992 года министр обороны России маршал авиации Шапошников подписал приказ о передаче военного

имущества всех воинских частей, расположенных на правом берегу Днестра, Республике Молдова. Ей одновременно перешли в собственность тысячи единиц стрелкового и тяжелого оружия, танки, артиллерия и даже полностью укомплектованный истребительный полк, состоявший из 31 боевого самолета миг-29.

Шапошникову при этом было хорошо известно, что Молдова одной ногой тогда стояла в Румынии, а Румыния всей душой стремилась в НАТО. В состав России стремилось войти Приднестровье, но Шапошников не дал ему ничего – ни патрона.

Такие вот были командиры у страны, которой руководил «алкогольный» президент.

Приднестровье, никому не нужное, всеми брошенное, стоящее один на один с Молдовой и Румынией, готовыми его растерзать, открыто просило поддержки и защиты у России.

Это движение всемерно и открыто поддерживал весь российский народ, но руководство страны не получило на это одобрения со стороны США. Виляя хвостом перед ними и в то же время боясь вызвать гнев собственного народа, Ельцин и его камарилья пытались строить добрые мины перед населением Приднестровья. С этой целью в республику регулярно направлялись всякого рода делегации. Приезжали туда и вице-президент Руцкой, и замминистра обороны Громов, и советник Ельцина Станкевич, и министр иностранных дел Козырев. Все они вещали перед народом красивые благоглу-

пости, все обещали «не дать в обиду братский народ», но дело этим и заканчивалось. Никакой помощи Приднестровье не получало.

Более того, по ельцинскому настоянию 12 апреля 1992 года между Молдовой и Приднестровьем был подписан Протокол о перемирии. В соответствии с ним, например, город Бендеры снял со своей территории блокпосты, разоружил свои военные формирования, а оружие заскладировал в казармах, которые оказались под контролем наблюдателей со стороны Молдовы.

Сразу после подписания перемирия и фактического сложения оружия со стороны Приднестровья Молдова открыла на ряде важных участков артиллерийский огонь. Появились массовые жертвы среди мирных людей, поверивших в перемирие.

20 мая в районе поселка Коржово в результате тяжелого артобстрела со стороны Молдовы погибли еще 10 человек.

До июня усилия молдавской стороны были направлены на овладение городом Дубоссары. По этому городу, по его защитникам велся каждодневный артиллерийский огонь.

7 июня Молдова обстреляла плотину Дубоссарской ГЭС. Был разбит трансформатор, и 30 тонн масла вылилось в Днестр.

После подхода к Дубоссарам броневых частей 14-й армии обстановка изменилась. Молдаване решили захватить населенные пункты Бендеры, Копанка и Варница, расположен-

ные на правом берегу Днестра, чтобы выровнять фронт, вернуться к границам 1940 года и с этими границами войти в состав Румынии.

19 июня молдавская армия пошла в наступление. По всему фронту заработали артиллерия, установки «Град», минометные батареи.

В наступление со стороны Молдовы двинулось около 8 тысяч человек. Начались масштабные боестолкновения, уличные бои.

Молдаване наступали активно и решительно, а приднестровцы не имели достаточно сил, чтобы противостоять надвигающейся громаде. 14-я армия в ситуацию не вмешивалась.

Командующий армией генерал Неткачев придерживался проверенного армейского принципа – «не высывайся – и не убьют». И армия сидела в своих казармах. Солдаты мирно спали под грохот молдавской канонады и разрывы снарядов, убивавших мирных жителей и воинов Приднестровья.

В ту пору в Приднестровье находился прибывший из Москвы депутат Верховного Совета генерал-полковник Макашов, до недавнего времени – командующий Уральским военным округом.

Он вместе с Галиной Андреевой и возглавляемой ею огромной толпой женщин деморализовал расквартированную в Тирасполе воинскую часть 14-й армии, и по их указанию офицеры и солдаты этой воинской части выгнали из

техпарка и повели в бой на молдаван 10 боевых танков и 4 бронетранспортера.

Эта техника помогла выиграть первые бои. Вечером того же дня удалось выбить противника из Бендер и захватить город.

Молдаване впервые понесли тяжелые потери в технике и живой силе.

Но войны это не остановило. Стрельба из всех видов оружия, как неизбывный кошмар, гремела по всему Приднестровью.

5

Снайпер шел к своей огневой позиции, к своей засидке. Шел он уверенно, спокойно, мурлыча глупую песенку. Ничем он не отличался от остального населения: обычная, не праздничная и не грязная, одежда, через плечо – легкая сумочка, в глазах – ни тревоги, ни суеты.

Случись сейчас на улице драка, или скандал, или несчастье у кого-нибудь – он бы прошел мимо. Снайперу, работающему днем, нельзя ни во что вступать, нельзя мелькать и хоть чем-то запоминаться в глазах прохожих. Потом его никто не должен вспомнить. Прошел – и исчез, нет его и не было.

Перед тем, как зайти в подъезд дома, снайпер вышел на площадь, сбоку которой и стоял дом. Так вот снайперы и

выискивают места для стрельбы – они выходят в город, в места скопления людей, и прямо из людской гущи вглядываются в окружающие дома, в крыши, в чердачные окна и продушины, форточки голубятни... Смотрят, откуда можно неожиданно и незаметно выстрелить, а потом также незаметно скрыться.

Он здесь еще не работал, поэтому не надо опасаться встречного огня из дома, что напротив его засидки. Здесь все спокойно. Только откуда-то из-за города доносятся глухие удары артиллерийских взрывов, а в самом городе то ближе, то дальше хлестким барабанным боем трещат автоматные очереди, щелкают отдельные винтовочные выстрелы. Это идут уличные перестрелки с молдавскими боевиками и провокаторами из местного населения.

На площади в клумбах растут цветы, вдоль двух аллей шелестят листвой каштаны. Народу совсем мало: бабушка медленно бредет с коляской – выгуливает подрастающее поколение; снуют редкие прохожие, около проезжей части солдатик стоит у служебного уазика и, склонившись над мотором, что-то в нем ковыряет.

«Вот и мишень», – подумал снайпер и пошел к своей засидке.

Этот снайпер работает в Тирасполе уже несколько месяцев, с самого начала всей этой заварухи, и неплохо знает город. Ему даже нравится этот, покрытый деревьями и садами, вишнево-каштановый, сиренево-грушевый душистый город с его мирным, добродушным, совсем не предрасположенным к войне населением.

Снайпер и сам бы хотел когда-нибудь пожить в таком уютном южном винном городе среди неагрессивных людей, напоминающих добрых персонажей глуповатых детских сказок. Но это когда-нибудь потом.

А сейчас у него совсем другая работа.

Снайпер любил многоподъездные дома. И всегда работал там, где подъездов не меньше трех. В крайнем случае – не меньше двух. В один заходишь и стреляешь, в другой – уходишь. Нельзя заходить в подъезд и уходить из него же: очень высока вероятность, что на входе или на выходе запомнят, и потом приметы разойдутся по всем отделениям милиции.

Кроме того, окно, из которого стреляет снайпер, почти всегда засекается кем-то из прохожих. Потом, естественно, весь подъезд будет поквартирно опрошен: может быть, кто-нибудь что-нибудь заметил и запомнил.

Он сначала зашел в подъезд, из которого потом собирался уходить, поднялся на последний этаж, проверил, не повесил ли кто замок на чердачный люк. Нет, все было нормально.

«Обыкновенный советский бардак, – подумал снайпер, –

но это и хорошо. Это облегчает мою жизнь».

Он спустился вниз, прошел вдоль дома два лестничных входа и поднялся наверх.

В Тирасполе еще не изжила себя привычка послевоенных советских городов – держать голубей. И они живут на многих чердаках. Для него это было всегда большой проблемой. Во-первых, от них на чердаке всегда ужасно грязно, всегда измажешься в свежем помете; во-вторых, за голубями, как правило, присматривает какой-нибудь сердобольный чудак. Он может неожиданно нагрянуть. Его придется застрелить, а это уж совсем лишние хлопоты. В-третьих, когда ведется прицельный огонь, голуби боятся хлопков выстрелов и создают страшную суматоху. Сразу видно, где, в каком месте работает снайпер.

На этом чердаке голубей не было.

Снайпер пошел в торцевую часть чердака. Там, в углу, он отодвинул от стены пару старых пыльных горбылей, отогнул край примыкающего к стене рубероида и достал спрятанную позавчера ночью винтовку.

С винтовки и прицела он снял мягкой тряпочкой пыль. «Ну, славный мой “Сваровский”, поработай!»

Он отогнул ржавые гвозди на чердачной раме, вынул стекло и в образовавшийся проем просунул винтовку. Вгляделся в прицел, ища цель.

Он решил для себя, что убьет сегодня трех человек – вполне хватит, чтобы неплохо заработать, поддержать свою

репутацию у румынского вербовщика стрелков и создать шум в городе, возбудить панику, чтобы народ свободно не разгуливал по бульвару.

«Война ведь, чего они разгулялись?!.. Ну где же вы, мишени? Вот он, солдатик... Все ковыряется в своей нескладухе. Сейчас, подожди немножко, – и отдохнешь. Бабушка гуляет... А может, того, кто в коляске? Почему бы и нет? Бабушка уже отжила свое... Вот цель! Вот она – парочка милуется на скамеечке. Как ты к нему прижалась, девочка... Долюбите друг друга на том свете...»

Солдатик сначала уткнулся простреленной головой в мотор, потом медленно сполз на асфальт.

Когда молодой человек дернулся и вскрикнул, девушка не сразу поняла, что произошло, и нежно погладила то место на его груди, откуда вдруг потекла красная жидкость. Она подняла руку к лицу, закричала, – и ей в голову ударила пуля.

Она ткнулась лицом в грудь парня, откуда хлестала кровь. «Хорошая работа», – подумал снайпер и спокойно пошел на выход.

А бабушка, проходя мимо влюбленной парочки, отвернулась: ей не хотелось нарушать покой влюбленных. Она ведь и сама была когда-то молодой.

роде Тирасполе, вошел батальон десантников, прибывший с аэродрома Чкаловский, что под Москвой, и рассредоточился по всему зданию. Десантники оттеснили часовых на входе и сами стали контролировать вход и выход военных. Вся операция очень напоминала военный захват штаба армии боевой десантной группой.

В 14 часов того же дня в кабинете командующего был собран весь руководящий состав армии: заместители командующего, начальники родов войск, служб, самостоятельных управлений и отделов.

Вдоль стен через 2–3 метра стояли десантники в голубых беретах и с оружием. Собравшиеся офицеры и генералы смотрели на все это с тревогой и удивлением.

Все сидели, а по большому кабинету вышагивал высокий полковник в полевой десантной форме и выкуривал сигарету за сигаретой, нещадно дымя во все стороны.

В кабинете командующего курить категорически запрещалось – Неткачев не любил табачного дыма.

Сейчас он сидел в своем кресле бледный, потухший и с трудом скрывал, как ему все это не нравится.

В зале висело молчание и ожидание неизвестно чего.

– Здесь есть какая-нибудь пепельница? Неудобно ведь пепел на пол стряхивать. Мы же культурные люди, – сказал вдруг полковник раздраженно.

Сказал спокойно, но таким неожиданно густым басом, будто над притихшей землей прогремел раскатистый гром.

Командующий армией вскочил и побежал в комнату отдыха искать пепельницу. Не нашел, но вернулся не с пустыми руками. Принес баночку от майонеза и вручил ее полковнику.

Как будто сообразив, что ему разрешили говорить, Неткачев выпрямился, вытянул руки по швам и представил полковника.

– Полковник Гусев из Министерства обороны. Командирован сюда, чтобы разобраться с обстановкой и доложить ее президенту страны Борису Николаевичу Ельцину.

Собравшиеся стали переглядываться: чего это генерал, командующий армией, так расшаркивается перед каким-то полковником? Но шила в мешке не утаишь – кто-то что-то слышал, кто-то что-то вспомнил, а кто-то уже с ним встречался на военных перекрестках...

По рядам прошел шепот:

– Это генерал Лебедь, а никакой не полковник Гусев, заместитель командующего ВДВ, специалист по «горячим» точкам.

И многие заулыбались: «А-а, теперь маскарад понятен... Смена приехала...»

Разговор был нелицеприятным, жестким.

Лебедь говорил характерным громовым басом, очень спокойно и четко. Фразы формулировал по-военному лаконично, очень доступно, предельно ясно выражал смысл того, что хотел донести до собравшихся. Будто читал наизусть текст

Боевого устава.

– Ставлю задачи, согласованные с Президентом Российской Федерации, – говорил он, сидя в торце стола рядом с командармом Неткачевым.

Голос его гремел по всему кабинету и громовыми раскатами гулял под потолком. Многие офицеры сидели съежившись. Гром этот был непривычен в обычно тихом кабинете Неткачева.

Были сформулированы пять задач, направленных на остановку кровопролития, эвакуацию семей военнослужащих, обеспечение контроля за сохранностью складов с оружием и т. д.

Уже в конце совещания голос «полковника» еще более посуровел.

– Почему практически на территории расположения армии беспрепятственно действуют провокаторы-снайперы? Буквально вчера накануне моего приезда прямо в центре города снайперами убиты три человека. Один из них – наш военнослужащий. Это что, меня так встречают? В качестве издевки? Или всегда у вас тут прямо под носом такая бойня процветает? Кто комендант? Доложить обстановку.

В углу кабинета с места вскочил и сразу же вспотел комендант города Тирасполя полковник Борман. Невысокого роста, лысый, с круглым красным лицом, он очень перетрусил, не выдержал важности момента и начал что-то говорить путанно и неконкретно.

– Мы принимаем меры, товарищ, э-э-э... генерал, извиняюсь полковник. Товарищ полковник, мы наведем порядок в ближайшее время, обязательно это сделаем, товарищ полковник.

«Гусев» поглядел на него с усмешкой:

– Да уж сделайте, сделайте. Эти снайперы сеют панику среди населения. Недалеко до социального взрыва. Люди видят, что мы элементарный вопрос решить не можем – обеспечить мало-мальскую безопасность.

«Гусев» раскурил очередную сигарету, выдохнул огромное облако дыма и отдал приказ:

– Даю вам, полковник, две недели на организацию борьбы со снайперами и на кардинальное решение этого вопроса. – Он помолчал и сурово добавил: – Предлагаю решить этот вопрос надлежащим образом, если дороги вам ваши полковничьи погоны. Садитесь.

Борман надрывно крикнул:

– Есть! – плюхнулся на стул и стал торопливо и тщательно вытирать платком потное и красное свое лицо.

7

Для майора Николая Гайдамакова наступили кошмарные времена.

Все прежние заслуги были забыты. Каждый день с утра до вечера вопросы: «Что сделано? Почему до сих пор стреляет

чужой снайпер? Доложи, Гайдамаков, чем ты занимаешься целыми днями?»

И так далее, и так далее.

Начальник особого отдела Шрамко ежедневно в восемь утра вызывал Гайдамакова к себе, подробно расспрашивал о проделанной работе, вечно находил придирки: и то ему не так, и это надо было сделать по-другому.

Через день по вечерам – совещания у начальника штаба дивизии Самохвалова. Тот вообще сильно нервничал: на него крепко давили сверху – из штаба армии. Говорили, что вопрос стоит на контроле у самого командарма. Мол, он сильно озабочен своей репутацией: горожане боятся выходить на улицы и очень не довольны военными, которые не могут навести порядок. Отсюда – жалобы в Москву, грозные звонки из Минобороны...

– Ты, Гайдамаков, видно, думаешь, что синекуру¹ здесь нашел? Зря так думаешь. Не успели наградить – ты и расслабился.

Николай пытался что-то объяснить, как-то защититься.

– Если бы он из одного окна стрелял, я бы давно уже с ним разобрался. А тут весь город у него в распоряжении. Он позиции меняет, сволочь, каждый день – разные. Ну как я его один найду, когда домов тысячи?

¹ Синекура – (от лат. sine cura – без забот). Должность, хорошо оплачиваемая и не требующая почти никакой работы; преимущественно – доход, не связанный ни с каким обязательным занятием. – Здесь и далее примечания ред.

Раздосадованный упреками, Гайдамаков на этот раз стал горячиться:

– Где эта хваленая кэгебэшная и эмвэдэшная агентура? Где сотни этих нахлебников? Почему они не рыщут по чердакам, не помогают нам в поиске? Где, в конце концов, опора правоохранителей на массы? Только на бумаге?

Самохвалов возмущенно вытаращил на Николая и без того выпуклые свои глаза и начал протяжно, с менторскими интонациями, почти по-стариковски выговаривать:

– Ты, товарищ майор, кто у нас? Паникер? Провокатор? Или доблестный советский офицер? Так, как ты, рассуждают только демагоги, уходящие от ответственности. Ишь куда хватил: опора на массы!.. У каждого своя работа, свой участок. Нам бы с тобой за себя ответить.

Он помолчал, хмуро о чем-то размышляя.

– То, о чем ты говоришь, Николай, это твои трудности. Мне результат нужен. Ты думаешь, мои и твои горькие слезы кого-нибудь интересуют в штабе армии? Там об меня ноги вытирают по твоей, Гайдамаков, милости.

Аргументы Самохвалова были для Николая обидны – он ведь и в самом деле не сидел без работы, с утра до вечера – на ногах, в поиске.

– Мне одному город не охватить. Прошу, товарищ подполковник, вашей поддержки.

В другой раз Самохвалов после этих слов послал бы Гайдамакова далеко и надолго. Но тут его, наверно, сильно на-

прягли упреки из штаба армии. Он и сам понял: помогать майору надо, иначе все неудачи спишут потом на него, на Самохвалова.

– Ты это о чем?

– Мне с людьми бы помочь, товарищ подполковник. Понимаете, снайпер стрелял уже с четырнадцати чердаков. То есть надо подробнейшим образом опросить жителей четырнадцати домов. Может, хоть какая-то зацепка появится. Жильцы ходят туда-сюда, бабушки сидят у подъезда... Возможно, кто-то и заметил что-то подозрительное. Мне всюду не успеть.

Самохвалов подумал, приподнял и опустил лежащую на столе офицерскую фуражку и спросил голосом человека, у которого грабители забирают последнее:

– Ну и сколько народу ты просишь? Гайдамакову терять было нечего, и он, глядя прямо в глаза начальнику штаба, твердо заявил:

– Человек семь грамотных офицеров.

Хитро-грустная усмешка сползла с хмурого лица Самохвалова и спряталась в толстых его губах, поросших двухдневной щетиной.

– Это где ж я тебе столько толковых людей найду в нашей пехотной дивизии? Ты да я, да мы с тобой, – вот и все грамотные.

– Как где? В особом отделе, например. Там люди подготовленные. Они умеют дознание проводить.

Начальника особого отдела дивизии подполковника Шрамко, сидевшего напротив Гайдамакова, аж передернуло. Он вытаращил глаза, некоторое время сидел с распахнутым от возмущения ртом, потом взорвался:

– У меня в отделе восемь человек осталось. Все в отпусках и командировках. Нет у меня людей!

Самохвалов закурил папиросу, глубоко и сладко втянул дым в свою могучую грудь. Он уже принял решение, и это решение было не в пользу Шрамко.

– Ты, Николай, сколько домов обработал за это время?

– Только два, и то не полностью.

– Вот видите, только два, а их четырнадцать. А времени у нас осталось полторы недели до того радостного момента, когда нам оторвут неразумные наши головы и затолкают их в одно место... Догадываетесь, господа хорошие, в каких местах окажутся наши головы?

Он уставился на Шрамко.

– Ты не сердись, Виктор Федорович, а в самом деле пойми: толковые сыскари только у тебя имеются. Я кого пошлю – взводного Васю Пупкина, так он всех людей перепугает, все расшлепает, а задачу не выполнит. В бой его можно, а на такое дело – нельзя, – и, обращаясь к Гайдамакову, попросил:

– Николай, сформулируй задачу для меня и для Шрамко.

Гайдамаков разъяснил то, что необходимо было сделать.

– Действующий в городе снайпер – прекрасный стрелок. За все время он не допустил ни одного промаха, хотя огонь

им велся в условиях темноты, тумана с разных расстояний, до четырехсот метров. Прекрасно маскируется. За весь период никто из прохожих не заметил, откуда велся огонь, никто не слышал звука выстрелов – значит он использует глушитель. В сумерках никто не увидел вспышек – значит он применяет какой-то хитрый пламягаситель. И до сих пор его никто в глаза не видел!

– Сколько народу он убил? – спросил Шрамко.

– Уже тридцать два человека.

Самохвалов присвистнул:

– Вот же, гадина! Полроты грохнул! – Сокрушенно покачал головой: – Надо бы, в самом деле, его найти, сделать дырку в башке. Он ведь не невидимка, в конце концов!

– Ясно, что не невидимка, – задумчиво произнес Гайдамаков. – Такой же человек, ходит среди людей.

– Ну и какую задачу ты мне ставишь, если все так сложно? – развел руками Шрамко.

– Задача простая: опросить максимальное количество жильцов всех четырнадцать домов. Особенно пожилых людей: они обычно самые внимательные и дотошные. Может быть, кто-нибудь вспомнит: не заходил ли кто-либо посторонний в подъезды их домов? Если «да», то как он выглядит? Путь вспомнят и опишут приметы, хотя бы что-нибудь, за что можно зацепиться. По каждому дому по результатам опроса надо будет составить подробные справки и представить их мне.

Все помолчали, а Самохвалов оторопело спросил:

– Извини, Николай, лезу в детали, но что ты делать будешь с этими бумажками? По ним огонь откроешь?

– Если хотя бы по двум адресам появится чужой человек с одинаковыми приметам – это и есть снайпер. Людей надо будет еще раз опросить, выявить больше деталей: как выглядит, сколько примерно лет, какой рост, цвет волос, во что одет и так далее. Затем составляем портрет и ставим задачи «наружке» городских КГБ, МВД, войскам, дружинникам... В любом случае снайпер, передвигаясь по городу, несет с собой оружие, скорее всего, собранное, но в руках у него должен быть удлиненный предмет, может быть, рюкзак или сумка. Это уже детали поиска. Их надо рассматривать подробно, когда это будет необходимо.

Самохвалов и Шрамко некоторое время смотрели друг на друга. Потом начштаба сказал одобритительно:

– Не зря ты, Николай, хлеб свой тяжелый кушаешь. – И обратился к Шрамко: – Ну, Виктор Федорович, задача нам с тобой поставлена. Приступай. Два дня тебе на все про все.

Когда вышли из кабинета, Шрамко почти с нескрываемой злостью прошептал:

– Ох и подставил ты меня, Гайдамаков. Теперь дни и ночи вкалывать придется, а у меня куча дел была запланирована.

Николай Гайдамаков развел руками и улыбнулся широкой виноватой улыбкой.

Ее звали Линда, Линда Шварцберг. Гайдамаков оставил офицерское общежитие и переехал к ней.

Годы после развода с женой он жил в сугубо мужских коллективах. Заскучал по женщине, которая всегда была бы рядом. Ведь жена, если даже она все время чем-то недовольна, вечно ворчит и вставляет шпильки, вносит гармонию в суровую мужскую жизнь. От женщины веет уютом, чистотой и домашними пирогами. Наконец-то все это к Николаю Гайдамакову опять вернулось.

Со службы он спешил к ней. Какая это все-таки радость – спешить туда, где тебя ждут! Еще в курсантские годы он определил для себя трехсоставную формулу бытия, к которой всегда стремился: надо приходить туда, где тебя ждут, надо заниматься делом, без которого не можешь существовать, и надо жить там, где живет твое сердце.

В данной ситуации не все, конечно, совпадало с этой формулой, но от добра добра не ищут.

С Линдой ему было тепло. В однокомнатной квартирке на краю Тирасполя, которую снимала Линда, им было хорошо вдвоем.

По долгу службы Николаю много времени приходилось уделять поиску снайпера, орудовавшего прямо в городе, и он каждый день получал нагоняи. Тем не менее на работе он

старался не задерживаться и каждый вечер проводил рядом с Линдой.

Линда родом из портового города Клайпеды, что в далекой маленькой прибалтийской стране под названием Литва. Нельзя сказать, что она была очень уж красива. У нее – серые глаза, светлые волосы и не совсем правильные, слегка заостренные черты лица. Приплюснутые, плотно посаженные губы, тонкий, слегка удлинённый нос, скуластое лицо. Обычно женщины с такими лицами имеют затаенно злой характер.

К Линде это никак не относилось. Да, с виду она была строга и тверда. Но это – напускная строгость школьных учительниц математики. На самом деле в домашней обстановке она была совсем другой. С Гайдамаковым – ласкова и нежна. Прекрасная хозяйка, она с удивительным изяществом и вкусом умела готовить всякие кушанья. Казалось бы, обычные ингредиенты: картошка, колбаса, сыр, огурцы... А все это вместе, с добавлением каких-то там приправ, да уложенное на красивых тарелках, да под чарочку хорошего вина, да под пластинку Анны Герман...

«Наверное, такая обстановка бывает в самых изысканных ресторанах», – думал Гайдамаков и с искренней нежностью обнимал Линду.

А какие пельмени лепила и готовила она, какие у нее были душистые чай и кофе, с какой сервировкой!

– Ты знаешь, – говорила она Николаю, – женщина все хорошо делает, когда у нее есть стимул, есть мужчина, ради

которого можно стараться. А вообще, женщины ужасно ленивы.

– Не верю, – возражал счастливый Николай. – Не наговаривай на женщин. Это ты так говоришь, чтобы мне больше никто не нравился.

– Очень ты мне нужен, возомнил тут из себя! – хмыкала Линда и отворачивалась. Но тут же поворачивалась к нему, глядела в глаза и целовала его в щеки. А потом прижималась к нему крепко-крепко.

У Линды Шварцберг было тяжелое детство. Происходила она из прибалтийских немцев. Род ее корнями уходил к рыцарям Ливонского ордена, владевшим территорией нынешней Литвы и Латвии все Средневековье. Род был исторически богатым. В Клайпедском порту стояли и ходили в море четыре тяжелогрузных торговых судна, принадлежащих семье Шварцбергов. Это продолжалось до начала сороковых годов, до аннексии Прибалтики Советским Союзом.

Потом – война. Дед и дядя, воевавшие на стороне немцев, погибли. Ее отец, служивший в германских частях «Нахтигаль»², после войны попал в советский плен. Там и погиб. А всю семью, в том числе малолетнюю Линду, отправили в Казахстан. Там они пробыли до 1957 года, когда Линда уже ходила в русскую школу.

Теперь у нее есть сын, пятилетний Георг. Он живет в Клайпеде. Его воспитывает бабушка, Линдина мама, которая

² Специальное подразделение (батальон) «Нахтигаль» (от нем. *Nachtigall*), группа «Север» дружин украинских националистов, «Украинский легион им. С. Бандеры» – вооруженный отряд, состоявший преимущественно из членов и сторонников ОУН (б), сформированный и обученный абвером для действий в составе диверсионного подразделения «Бранденбург 800» (от нем. *Lehrregiment „Brandenburg“ z. b.V. 800*) в операции «Барбаросса» на территории Украинской ССР. Создание «Нахтигаль» было результатом реализации политики ОУН (б), направленной на подготовку собственных военных кадров. По воспоминаниям руководителей батальона, такое романтическое название (от нем. *Nachtigall* – соловей) было присвоено батальону после исполнения проникновенной песни солдат-украинцев о соловье, которую они пели на отдыхе.

беззаветно любит внука, балует его и утверждает, что Георг – это копия ее покойного мужа, Вальтера Шварцберга, замученного в русском плену.

Гайдамаков еще по учебе в спецшколе знал, что служба в «Нахтигале» означает службу в германских войсках СС. Дивизия СС «Нахтигаль» занималась в Украине и в Прибалтике карательными операциями, борьбой с партизанами, расстрелами всех, кто боролся с фашизмом. Николай однако не стал напоминать об этом Линде. В конце концов, советские войска тоже не очень-то миндальничали в Прибалтике. Судьба Линды – тому подтверждение.

Он не хотел беречь прошлое. Поди теперь разберись, кто был прав, кто – нет.

И все же однажды он спросил:

– Ты, наверное, очень не любишь русских? Они принесли тебе столько бед!

Линда опустила голову:

– Не будем об этом. Мне с тобой хорошо. Они лежали в кровати и вели долгие беседы. Линда вспоминала, как совсем ребенком она любила стоять у окна их большой квартиры и глядеть на море. В ее детской памяти море – это огромный-преогромный синий мир, расчерченный белыми всплесками волн, по которому бегут разноцветные паруса и плывут белые пароходы с развевающимися над ними черными дымами. Над бескрайним синим морем висит ослепительный белый шар, раскидывающий по сторонам розовые

брызги-лучики. А прямо над окном летает, кружит по небу большая серо-белая чайка, смотрит в ее окно и что-то кричит ей, Линде, что-то понятное и заманчивое, будто зовет с собой в синюю даль. Еще она рассказывала, что хорошо училась в школе, успешно занималась каким-то спортом. Каким, так и не уточнила. Но сказала, что была серебряным призером республики, мастером спорта.

Она мечтала заработать много денег и вернуться домой к сыну и маме, которые ее очень ждут.

Она прекрасно играла на гитаре. На литовском языке пела длинные, протяжные, но очень мелодичные национальные зонги³. Николай ничего в них не понимал, но его очаровывали народная музыка и голос Линды – бархатистый женский баритон, и манера ее исполнения. Оказалось, что когда-то она состояла в интернациональном ансамбле и в Казахстане успешно участвовала в музыкальных фестивалях. Своим звонким чистым голосом она выделялась среди своих сверстников и была солисткой хора. В платице, сшитом из обносков старшей сестры, она выходила на сцену перед хором и, распрямившись, высоко задрав головку, пела советские песни. Особенно всем нравилась в ее исполнении песня про то, как среди веселых полей вьется тропинка, ведущая к школе. Потом для тех, кто хорошо учится, эта тропинка

³ Зонг (от нем. *der Song* – эстрадная песня) – вид баллады, иногда близкой к джазовому ритму, часто пародийного, гротескного характера, содержащей едкую сатиру и критику общества.

станет широкой счастливой дорогой в огромную радостную советскую жизнь.

Ей подпевал большой хор, стоявший позади нее, и ребята – немцы, прибалты, греки, поляки, евреи, русские – вслушивались в каждое ее слово и с готовностью дружно ее поддерживали.

Однажды на республиканском смотре она получила огромную грамоту, где указывалось, что награда вручается Линде Шварцберг «за пропаганду советской песни и советского образа жизни». Ее мама всю ночь почему-то проплакала. Наверное, от радости за свою дочку.

Она, безусловно, талантлива.

Николай был просто счастлив. Случайная встреча, мимолетные ощущения переросли в сильные чувства. Гайдамакова это волновало и радовало. Наконец-то он обретал то, что давно искал.

Он лежал с ней рядом, а весь воздух вокруг был напоен весенними запахами, хотя весны на дворе не было. И весь мир был наполнен яркими вспышками, похожими на гроздья салюта, и плыли повсеместно в воздухе разноцветные картинки, словно конфетные фантики из детства.

А где-то высоко-высоко в небе, посреди прозрачных перистых облаков, похожих на крылья светлого ангела, резвилась юная звездочка. Она на минутку сбежала из своей семьи – созвездия, чтобы пошалить в легком облачном пухе и позвенеть воздушным серебром.

– Похоже, я в тебя влюбилась, – сказала она. – Как же я буду жить теперь без тебя?

– Ты не будешь жить без меня. Мы будем жить вместе. – Николай повернул к ней голову и поцеловал ее в краешек лба.

Похоже, и он в нее влюбился. Им было хорошо вдвоем.

9

Снайпер знал, что за ним охотятся. Этого не могло не быть, потому что он убил уже много людей в этом городе. Все газеты и телевидение с утра до вечера кричали одно и то же: «Когда же военные, которых полно в городе, застрелят этого проклятого киллера, держащего в страхе все население?!»

Матери опасаются выпускать детей на улицу, люди не выходят на открытые места, жмутся к зданиям. Площади пустые.

Который день напротив здания штаба 14-й армии толпятся демонстранты с плакатами. На них надписи: «Лебедь, убей убийцу!», «Генерал, защити наших детей и нас!», «Лебедь! Ты не умеешь воевать!».

Снайпер понимал, что его действия сильно дестабилизируют обстановку, и без того чрезвычайно сложную в Приднестровье. Неспособность избавиться от дерзкого снайпера, убивающего людей, резко расшатывает авторитет политической и военной власти в регионе.

Вероятно, задействованы большие силы, чтобы его нейтрализовать, говоря конкретнее, – убить. Игры со смертью становились все опаснее. Надо было уезжать, срочно уезжать. Но те люди, которые его наняли и которые платили ему деньги, хорошие деньги, все никак не давали санкции на прекращение контракта.

Ему говорили:

– Отработай еще неделю, потом еще неделю...

Угроз с их стороны не было, и, казалось, можно уехать, но сумма, подводящая итоги контракта, была так значительна и ее так хотелось получить, чтобы потом долго вообще не думать о деньгах.

До сих пор снайпер не выявил каких-то явных признаков опасности, грозящей извне, не нащупал тайных подходов к себе со стороны контрразведки, милиции и военных. Но он давно уже играл в прятки со смертью, а подобные смертельные игры всегда вырабатывают высокий градус осторожности и интуиции, и человек начинает четко осознавать: вокруг сжимается кольцо.

Такое чувство появилось, и снайпер действовал с утроенной осторожностью.

Руководители советовали, чтобы он не просто убивал жителей города, а способствовал формированию ненависти к руководству города и республики, которое не может защитить людей. Это будет толкать население к присоединению Приднестровья к Молдавии. Надо создавать социальную на-

пряженность.

Снайпер свою задачу понимал хорошо.

Эту позицию он подготовил загодя, несколько дней назад. Место засидки было выбрано удачно – в старом доме на краю города. Дом давно находился на капремонте. Но какие ремонты в такое лихолетье? Денег в городской казне нет, поэтому стоял он, всеми брошенный, наполовину без окон, наполовину без дверей.

В крайнем подъезде дверь была закрыта на замок. Ржавый замок на не нужной никому двери. Снайпер нашел обломок металлической опалубки и легко отогнул старую петлю, приколоченную когда-то двумя маленькими гвоздями. Если теперь закрыть дверь изнутри, то снаружи будет видно, что замок как висел, так и висит на своем месте.

Снайпер посидел на скамеечке в соседнем дворе, почитал книжку. Отсюда были видны подъезды старого дома. Ничего подозрительного не заметил. Людей – мало. Время – рабочее. Кто-то на работе, кто-то на учебе. Дождался, когда на улице не осталось ни души, пригладил пятерней волосы (тем самым поправил парик) и побрел к своему подъезду.

В такие моменты нельзя допускать никакой суеты: нервничать, оглядываться, торопиться или, наоборот, слишком медлить. К засидке надо идти нормально, как всегда, надо превратиться в никчемного, незаметного, ничем не примечательного человека. В нем и не было ничего примечательного: худощавый низкорослый мужчина средних лет с вклю-

коченными темными волосами.

Видавшая виды балахонистая куртка из плотной материи, старенькая бесформенная сумка, легкая сутулость говорили о том, что мужчина крепко потрепан жизнью и ищет места для непритязательного ночлега.

Бомжи никому не интересны.

На четвертом, последнем, этаже, в полуразрушенной обшарпанной квартире он сел на сложенные горкой кирпичи у окна с выбитыми стеклами, достал из сумки детали и собрал из них винтовку. Поставил прицел, привинтил глушитель и посмотрел во двор.

Двор – открытый, с редким кустарником. По задней части его периметра проходил зеленый металлический забор, за ним, в метрах сорока, стояло коричневое трехэтажное здание. Это был дом престарелых.

Людей во дворе мало. Только гуляли по дорожкам, держась за локотки друг дружки, две старушки, да на скамейке, что около дорожки, идущей от парадной двери в глубь двора, сидел толстый дед и играл с котенком, валявшимся на спине у его ног. Котенок кусал толстый дедов палец, и старик со счастливой интонацией ласково ругал его.

– Ну, с кого начнем? – подумал снайпер, разглядывая эти сцены в оптический прицел.

Дед вдруг схватился двумя руками за свою ляжку, задрал подбородок и заорал так сильно, что, наверно, встрепенулся весь дом.

Пуля раздробила ему бедренную кость.

– Ну, подбегайте, мишени, подбегайте, – прошептал снайпер и опять приготовился к стрельбе.

Из парадной двери выбежал мужчина в белом халате. Когда он склонился над дедом, то уже больше не поднялся. Так и остался на коленях: простреленная голова упала на сиденье скамейки.

На помощь к ним прибежала одна из старушек, гулявших во дворе, и, сраженная пулей, упала на дорожку.

«Ну, на сегодня хватит, – спокойно подумал снайпер, – шума опять будет достаточно». Он, не торопясь, разобрал винтовку, уложил все в сумку.

И опять по улицам Тирасполя пошел неряшливо одетый, замызганный, сутуловатый, никому не нужный бомж.

Выстрелов никто не слышал.

А дед еще долго сидел на скамейке и дико кричал. К нему никто не подходил. Люди боялись попасть под огонь снайпера.

25 июня 1992 года полномасштабные боевые действия начались в районе Дубоссар, где молдавские войска перешли в наступление.

Ночью молдаване обстреляли из орудий Дубоссары и Дубоссарскую ГЭС. Огнем был разбит и второй трансформатор, масло из которого также начало вытекать в Днестр. Наступление началось и на Кочнерском плацдарме. В Григорисполе артснарядами были разрушены детский сад и жилой дом. Начала действовать молдавская бомбардировочная авиация.

Опять погибли люди – много людей. За три дня боевых действий погибло около шестисот человек и ранено около трех тысяч.

Война загрела опять и в Бендерах. В Ленинском районе были разрушены обувная фабрика «Тигина», завод «Прибор», машиностроительный и опытно-экспериментальный заводы.

Страдали прежде всего простые люди, граждане Приднестровья, и люди, потерявшие на войне родных, свой кров, работу. Они требовали от руководства республики и от военных наведения порядка, возврата к мирной жизни, решительных действий. Около всех органов управления городами не умолкали демонстрации.

Терпение генерала Лебеда закончилось 2 июля, когда молдаване опять обстреляли Дубоссары. Вновь – много убитых и раненых. Молдавская артиллерия разрушила систему управления турбинами местной гидроэлектростанции. В результате – резкий подъем воды в водохранилище и угроза затопления огромной территории.

По указанию Лебеда разведка армии в срочном порядке уточнила места дислокации важнейших молдавских военных и других стратегических объектов, для чего в оперативном порядке были вновь получены и в кратчайшие сроки изучены разведанные территориальных источников, материалы аэросъемки, агентурные сводки.

Ночью со 2 на 3 июля ударила артиллерия 14-й армии. По заранее намеченным целям (воинские части, штабы, места концентрации техники, аэродромы и т. д.) вели огонь в течение 45 минут 8 дивизионов 6 минометных батарей.

Молдаване потом в течение нескольких недель разгребали завалы, вывозили убитых и раненых. Боевые действия на этом закончились.

Молдавской стороне нечем было больше воевать, артиллерия 14-й армии уничтожила почти всю их боевую технику.

А генерал А.И. Лебедь 4 июля дал историческую пресс-конференцию, на которой назвал президента Молдавии Мирчу Снегура фашистом, развязавшим геноцид против собственного народа, и предложил российскому руководству не ходить за американцами и не попрошайничать, «как коз-

лы за морковкой».

Эти высказывания взбесили Снегура и очень расстроили Бориса Ельцина.

Лебедь на пресс-конференции прямо обвинил президента Молдовы в вербовке снайперов в Литве и Латвии и использовании их в провокационных сепаратистских целях на территории Приднестровья.

11

Это была тяжелая работа. Гайдамаков каждый день с приданными ему контрразведчиками 59-й общевойсковой дивизии встречался и беседовал с десятками людей. Нужно было опросить жильцов четырнадцати домов, расположенных в разных концах города.

Картина складывалась нерадостная.

В те дни, когда из этих домов стрелял снайпер, никто из жильцов ничего подозрительного не заметил, никого из приметных чужаков не увидел.

По прошествии двух отведенных дней Николай собрал с участников опергруппы докладные записки по каждому дому и вечером внимательно, с карандашом в руках, их изучал.

Доклады были обстоятельные, детальные, по форме, заданной Гайдамаковым. Номера квартир, установочные данные на всех жильцов, подробный отчет о проведенной беседе с каждым из них. Ничего особенного. Никто не видел че-

ловека, входящего в дом со снайперской винтовкой в руках. Это было бы идеально, но, более того, никто не видел человека ни с длинной сумкой, ни с рюкзаком, ни даже с удочками, входящего в подъезд.

И только одна из бабушек, из тех, что вечно сидят на скамейках у подъездов, запомнила, что в соседний подъезд заходил сутуловатый, невысокого роста, мужчина с усами и черноволосый. Он нес в руке какой-то музыкальный инструмент в чехле. То ли гитару, то ли виолончель. Бабушка еще подумала: «А к кому это мужик с гитарой идет? Что за праздник, у кого?» Ничего вроде ни у кого не намечалось. Она ведь в доме знала всех, поэтому и запомнила того мужчину.

В предпоследней докладной Гайдамаков натолкнулся на строчки, от которых спина покрылась потом.

Мальчишка – жилец дома – выскакивал из подъезда и натолкнулся на молодую женщину, черноволосую, худощавую. На спине у нее, на лямках, висел гитарный чехол...

Вот тебе и зацепка! Зафиксировано два случая вхождения в дома, из которых стрелял снайпер, людей с чехлами, в которых носят гитары. Очень большой процент того, что в этих чехлах находилась разобранная снайперская винтовка.

Надо срочно организовывать розыск! Где Шрамко, как его найти? Уже вечер!

Гайдамаков помчался в штаб дивизии. Шрамко там уже не было. Николай нашел его дома.

По выпученным глазам Гайдамакова начальник особого

отдела дивизии понял: тот что-то нащупал.

– Ну, остынь, остынь! Рассказывай, снайпер. Николай показал докладные.

Шрамко, давно переставший злиться на Гайдамакова, миролюбиво пробурчал:

– Ну, видишь, все получается, как ты и предполагал. Есть одинаковые признаки. Только почему приметы разные: в одном случае мужчина, в другом – женщина? Он что, переодевается?

– Переодевается, – кивнул Николай. – На самом деле это, скорее всего, женщина стреляет. Женщине в мужчину легче переодеться, чем наоборот.

– Да, крахсворд-тиарема, мать их за ногу, – почесал затылок Шрамко.

Они посидели, покумекали. Решили с утра начинать полномасштабные мероприятия. Надо заряжать на поиск всю систему наружного наблюдения местных КГБ и МВД, оперативный состав, ориентировать агентуру и доверенных лиц, создать поисковые группы, назначить старших.

Задача: путем физического поиска, постоянного негласного прочесывания города находить людей, переносящих средне- и крупногабаритные футляры для музыкальных инструментов, устанавливать их, отслеживать их маршруты, обо всех подозрительных случаях докладывать в штаб, который возглавит сам Шрамко.

Затем дотошный главный особист сказал:

– Николай, давай уточним твои задачи.

И Гайдамаков обрисовал, как он видит свои функции. Он возглавит мобильную группу, которая при поступлении информации о приближении «объекта с гитарой» к какому-то зданию немедленно выдвигается в этот район и на месте принимает необходимые меры.

– Какие такие меры? – спросил дотошный Шрамко.

– Я чужого снайпера в плен брать не собираюсь.

– Понятно, – удовлетворенно кивнул Шрамко. Домой к Линде Николай вернулся совсем уже поздно.

Прошло четыре дня. Гайдамаков почти безвылазно находился в помещении особого отдела дивизии, дежурил. Звонков со всего города было много. Их принимал дежурный офицер. Снайпер надоел всем, и все задействованные люди работали со всей серьезностью.

Поступавшие звонки были, правда, как правило, пустые, ерундовые. Например, сообщалось об обнаружении объектов не только с гитарными чехлами, но и с футлярами от скрипок, духовых инструментов, а то и просто с балалайкой, мандолиной и даже с флейтой в руках. Если нашему служивому человеку что-нибудь поручить, он будет очень стараться и такого может нагородить...

Было два случая, связанных с другими снайперами. Один стрелял с правого берега Днестра и тяжело ранил военного. По нему со стороны Приднестровья был открыт пулеметный огонь: повсеместно шли боевые действия, и на случай про-

вокаций на левом берегу через каждые двести метров стояли пулеметы... Результат огня был неизвестен, но снайперская стрельба на том участке прекратилась. Да и то правда: какой снайпер будет продолжать работать, если он обнаружен и если по нему бьют из пулеметов?

Другой снайпер, долговязый наемник из Прибалтики, попался по-дурацки. Спрятанную на чердаке его винтовку случайно нашли игравшие там школьники. Они сообщили о находке в милицию. Милиция устроила засаду...

Гайдамаков выезжал туда и убедился, что пойманный снайпер совершенно «сырой». Бывший разрядник по стрельбе. Его завербовали для поездки сюда, и он захотел заработать денег. Не успел... Нет, это не тот. Да и приметы не сходятся.

Серьезный сигнал поступил, когда Николай был на обеде. К нему прибежал посыльный от Шрамко и сказал, что вызов срочный. По растерянному виду ефрейтора Гайдамаков понял: надо в самом деле спешить.

Не доев суп, он бросил ложку и мигом был у начальника особого отдела. Тот скороговоркой сообщил, что от милицейского агента поступил сигнал: черноволосую молодую женщину видели на улице Усиевича. Она шла к домам, что стоят рядом с воинской частью. Следить за ней агент не решился, он ведь не специалист. В руке у нее был чехол от гитары.

Карта города уже лежала на столе. Шрамко ткнул пальцем

туда, где видели женщину.

– Это здесь. Видишь, рядом казармы. Будет огонь по военным 59-й дивизии.

– Но тут три дома, поди разберись, где засидка. А когда ее видели?

– Сигнал поступил минут десять тому назад, даже восемь.

– Ну все, я этот район знаю, я помчался.

– Желаю удачи, – сказал Шрамко и пожал Гайдамакову руку.

Минут через семь Гайдамаков на штабном уазике со своей маленькой опергруппой прибыл в район казарм.

Он понимал, что трем его операм не следует «светиться» перед казармами, и одному поставил задачу: наблюдать за домами со стороны казарм и стараться отследить в окнах или в чердачных проемах появление снайпера, чтобы сразу дать об этом сигнал ему, Гайдамакову. Двоим он приказал подготовить табельное оружие и осмотреть в домах подъезды и чердачные помещения. При обнаружении снайпера задержать его или уничтожить. А сам вытащил из салона уазика детскую коляску с уложенной в ней винтовкой и пошел «гулять с младенцем» по дороге, идущей вдоль тех самых трех домов.

Дома были по левую сторону, а казарма – по правую. Опер, наблюдавший за домами, шел по другую сторону металлического забора метрах в пятнадцати впереди, вдоль здания казарм, и лениво поглядывал влево, на дома. Нико-

лай не глядел по сторонам. Как «чуткий папаша», он был занят только «своим ребенком» и лишь косил взглядом на парника, идущего справа.

Уже поравнявшись с проемом между первым и средним домом, опер вдруг остановился, повернулся налево и, сев на корточки, стал завязывать шнурок. На его полуботинках не было шнурков, и Николай понял: он что-то увидел. Напарник поднялся и пошел назад, мимо него, Николая. Поравнявшись с ним, он негромко сказал:

– Средний дом, среднее чердачное окно. Готовится к стрельбе.

Гайдамаков как шел, так и продолжал движение. На ходу протянул руку «к ребенку» и снял винтовку с предохранителя.

Вот среднее окно на чердаке. Их всего три. Пока ничего не видно – проем глубокий, мешает боковина.

Средний дом стоял как раз напротив казармы. Возле нее два солдатика подметали двор. Наверно, по ним снайпер и будет стрелять.

Окно открыто, и виден только его край.

Николай стоял и делал движения человека, готовящегося закурить: полез в карман, достал несуществующую пачку сигарет, полез рукой во второй – за зажигалкой. Он стоял вполоборота к дому и оценивал обстановку. В полумраке края окна смутно можно было разглядеть действия находящегося там человека.

Ага, вот! Из темноты показалось и четко обозначилось левое плечо человека. Лица не видно – оно было за оконной боковиной.

Но двигаться дальше было нельзя: Николай тут же сам превратился бы в легкую открытую мишень. А пока снайпер его не видит, он быстро достал из коляски свою винтовку, положил ее поперек коляски дулом к дому, встал на колени и мгновенно нашел в оптическом прицеле плечо снайпера. Нажал на спуск.

Дико закричала женщина, что шла по дорожке (она несла продукты из магазина). Бросив сумку, побежала от Гайдамакова.

Подоспел напарник.

Николай приказал ему:

– Охраняй винтовку! – и помчался к дому.

Там, около нужного подъезда, к нему присоединился один из двух оперов, которых он послал дежурить возле домов.

– Оружие к бою! – скомандовал ему Гайдамаков, и они забежали в подъезд.

Николай бежал впереди с пистолетом в руке и, прыгая по ступенькам, ожидал: вот сейчас навстречу выбежит тот, по которому он стрелял...

Но увы! Они достигли последнего этажа, где находился люк на чердак.

Замка на люке не было, и они надеялись, что откроют люк

и застигнут на месте того стрелка...

Но люк оказался заблокированным изнутри. Николай пытался открыть его сначала руками, затем плечами, но крышка не поддавалась. Попробовал и напарник. Напрасно.

Гайдамаков понимал: уходит время. Снайпер их перехитрил.

Они опять выбежали на улицу. Николай крикнул:

– Ты в тот подъезд, я – в этот! И будь осторожен!

Проникнув наконец на чердак, Гайдамаков сразу убедился, что ранил снайпера, что это женщина и что он имеет дело с очень хитрым соперником.

Снайпер вошел через один крайний подъезд, а вышел через другой, торцевой. Рана была серьезной. Около окна и вдоль цепочки уходящих следов на чердаке и в подъезде – везде капли крови.

От удара его пули у стрелка с головы слетел черный женский парик. Он валялся здесь же, на досках, около оконного проема.

«Значит, у нее волосы другого цвета», – подумал Гайдамаков.

Мужчина с первого этажа подтвердил:

– Я заходил в подъезд, и меня чуть с ног не сбила молодая бабенка. Светлая такая. Представляете, несу в руках две бутылки пива, а она на меня вылетает! Одна бутылка выпала из рук. Хорошо, что не разбилась. Убил бы, дуру!

– А как она выглядела?

– Да разве я ее разглядывал? Ну не толстая, совсем обыкновенная. Разозлился я на нее.

– В руках несла что-нибудь?

– Что-то было у нее тяжелое на спине, не помню что. А рукой она за плечо держалась. Вот так, – и он свою правую руку положил на левое плечо. – Не помню я ее. Разозлила она меня...

Сразу же состоялось совещание у Самохвалова. Начальник штаба дивизии сидел озадаченный. Выслушав доклад Гайдамакова и Шрамко, он закурил сигарету, подымил, помолчал.

– Значит, баба, – сказал он задумчиво. – Да, навезли нам их из Прибалтики. Но по почерку это, похоже, та самая, которая больше всех воду мутит, весь город держит в напряжении. Как вы думаете, братья славяне, та это или не та?

– Думаю, что та, – закивал головой Шрамко, – похоже, что та. По всему похоже.

– Вот и я так думаю, – продолжал размышлять начальник штаба. – Хитрая, сволочь! Наряжается, понимаешь, в разные одежды, усы клеит, парики меняет, то мужик она, то баба. Трудно такую поймать.

Он опять помолчал, насупился.

– Что наверх докладывать? Мы же ее не нейтрализовали окончательно. Как там оценят нашу работу?

В разговор вступил Гайдамаков:

– Думаю, товарищ подполковник, она какое-то время ле-

читься будет. Рана, по всей видимости, тяжелая. Стрельба в городе должна прекратиться. Сейчас будет затишье, и начальство это сразу почувствует.

Шрамко закивал головой, а Самохвалов подытожил:

– Ладно, товарищи военные, за работу хвалю, ваш героический труд Родина не забудет. – И, улыбнувшись, добавил: – И я тоже.

Потом Шрамко пригласил Николая к себе в кабинет. Там он сначала дал команду подчиненным контролировать все медицинские учреждения на предмет обращения к ним молодой женщины по поводу ранения плеча, а потом закрыл дверь кабинета, вытащил из сейфа бутылочку «Хеннеси», и они выпили по две рюмки «За нашу великую Родину» и «За победу над врагами».

Возвращаясь домой в хорошем настроении, Николай думал: «Эх, жалко, Линде нельзя ничего рассказать. Она бы порадовалась его успеху».

Но дома, когда он пришел, Линды не оказалось.

Постучала в дверь соседка и сообщила, что ей на работу звонила Линда. Просила предупредить Николая, что уехала домой за товаром, появится через несколько дней.

«Странно, – подумал он, – она вроде не собиралась уезжать».

Хотя торговля – дело непредсказуемое. Может быть, нахлынули покупатели, все раскупили, и вот надо ехать за новой партией.

Уснул он со светлыми мыслями о Линде, о их будущей совместной жизни.

Он сильно полюбил эту женщину.

12

После артиллерийского разгрома, учиненного генералом Лебедем, молдавская сторона растерялась и затихла. Лишь местами иногда возобновлялись автоматные перестрелки, но и они быстро прекращались: в атаки больше никто не ходил, в них просто не было смысла.

Упорный в достижении своей цели Лебедь, для того чтобы развеять последние надежды молдаван на хоть какую-нибудь победу, дал команду открыть огонь агитационными и осветительными снарядами. В рассеянных повсюду листовках содержалось конкретное предложение молдавским войскам срочно разбежаться по домам, иначе все они будут уничтожены. Что они и сделали с большим воодушевлением.

И молдавское руководство запросило о перемирии.

Уже 7 июля 1992 года на военном аэродроме в селе Лиманское состоялись первые переговоры о перемирии между молдавской и приднестровской сторонами. В качестве посредника присутствовала и Россия. Ее представляли командующий Сухопутными войсками генерал-полковник В.М. Семенов и командующий 14-й армией генерал-майор А.И. Лебедь. Сторонами были намечены первые шаги на пути

установления мира, сами условия и мероприятия перемирия.

Следующим шагом стало подписание в Хельсинки президентами России, Румынии и Молдовы соглашения о прекращении огня в Приднестровье.

А 21 июля стало окончательной датой в процессе установления мира. В этот день в Москве президентами Приднестровья и Молдовы Смирновым и Снегуром был подписан договор о мирном урегулировании военного конфликта и дальнейшем взаимовыгодном сотрудничестве.

Несомненно одно: главная заслуга в установлении мира в данном регионе принадлежит генерал-майору А.И. Лебедю.

С тех пор, однако, у командующего 14-й армией появился могущественный враг в лице Президента Молдовы, которого Лебедь публично назвал фашистом и обвинил в геноциде собственного народа.

Кроме того, Снегура возмутило то, что Лебедь так изувержски легко и просто провел разведку в молдавских войсках, нанеся артиллерийские удары по самым уязвимым местам, за несколько минут разгромив опорные пункты, штабы и склады, уничтожив почти всю военную технику и вооружение, убив и рассеяв большинство солдат и офицеров. Снегуру нечем стало воевать. Все это было огромным унижением и оскорблением.

Он ненавидел Лебеда и за то, что тот бесцеремонно и как бы походя унижил его, давнего президента большой респуб-

лики, изошренного, мудрого и хитрого политика, выкованного в горниле смертельной партийной тусовки, выжившего в безжалостных играх большой советской политики, лишил того, что ему по праву принадлежало, – этого большого и богатого куска старой бессарабской территории с нелепым названием Приднестровье. То, к чему так долго он шел, ради чего он врал, лицемерил, обманывал, за что он воевал, вдруг у него нагло, стремительно и цинично отнял этот молодой генерал, хам с диктаторскими замашками. Отнял, а потом еще и опозорил на весь мир. Теперь Россия сделает из него, президента страны Мирчи Снегура, маленькую послушную обезьянку.

После долгих и тяжелых раздумий Снегур вызвал к себе в кабинет министра госбезопасности.

Когда тот пришел, он отвел его в комнату отдыха, усадил в кресло, достал из шкафчика графин молдавского коньяка, сам налил его в хрустальные бокалы.

Они молча выпили, потом ушли на балкон...

13

Линда Шварцберг находилась в лазарете маленькой инженерной воинской части вооруженных сил Молдовы, расположенном на окраине города Орхей. В целях конспирации ее не могли положить в общую палату вместе с другими больными и ранеными.

Палатой послужило наспех переделанное для нее помещение для медицинского оборудования, находящееся в торце второго этажа лазарета. К ней никого не пускали. Она лежала среди старых капельниц, каталок, медицинских халатов, шкафчиков с лекарствами.

Боль в левом плече стала проходить. Пуля снайпера, ранившая ее, прошла по мягким тканям, лишь слегка задев верх лопатки.

Несколько дней назад ей сделали операцию, теперь каждый день меняли повязку. Светлые волосы ее были не убраны – рассыпались по подушке.

Ей ничего не хотелось делать – ни есть, ни пить, ни разговаривать, даже пригладить свои волосы не хотелось. Левая рука ее безжизненно лежала вдоль тела, правая – поверх одежды.

Под подушкой находился многозарядный испанский пистолет «Астра», способный стрелять очередями натовскими патронами калибра девять миллиметров. Это на случай внезапного нападения. Она живой никому не дастся, ей нельзя попадать в плен. Она слишком много знает и много натворила. Казалось бы, сейчас здесь ей ничего не угрожает – ее постоянно охраняют сотрудники службы безопасности. Но она убила слишком много людей...

То, что за ней идет охота, было очевидно. Об этом красноречиво говорит последний случай, когда снайпер противника не дал ей выстрелить по военным. Ее выследили. Ее прак-

тически загнали в угол. Скорее всего, она прокололась на подходе к месту засидки. Значит, по каким-то признакам ее опознали, нашли в этом небольшом городе. В любом случае понятно: охота за ней, широкомасштабная охота, идет по всему городу. Понятно и то, что работать в самом Тирасполе ей больше нельзя. Это очень опасно. Надо уезжать! Где же она прокололась? В чем? Когда? Она так внимательно всегда относилась к вопросам маскировки, так тщательно продумывала каждый раз свою внешность, училась быть то бомжом, то инвалидом, то старухой, то женщиной средних лет. Сообразно новой роли меняла парики, одежду, накладывала усы, бороды. Каждую роль репетировала, словно театральная актриса.

Очень внимательно изучала подходы к местам, откуда будет вестись огонь, и поэтому уверенно и безошибочно проникала к своей позиции и так же просто и надежно уходила в город.

Она ни разу дважды не устраивала засидку в том месте, откуда уже стреляла.

Все и всегда было продумано до деталей, никогда не было сбоев. Тогда почему ее выследил тот снайпер? В чем-то она ошиблась. Его выстрел, конечно же, не был случайностью. Он искал ее и нашел. И в силу того, что он свою работу не закончил – не убил ее, это означает, что дело свое он будет продолжать. И не остановится, пока не завершит.

Надо уезжать, надо срочно уезжать!

Свободная охота закончилась, началась игра со смертью. И в эту игру ей играть не хотелось.

Вопросы перед ней стояли мучительные, потому что на них не было ответа.

На пути к дому существовали препятствия, которых никак не избежать. Например, сроки контракта. Они пока что не закончились, и люди, заключившие соглашение с ней, безусловно, будут настаивать на продолжении работы.

Она ведь и в самом деле результативна как снайпер. И потом, всю сумму, как это обговорено в условиях контракта, она получит лишь по завершении работы, как по срокам, так и по результатам. О результатах можно не волноваться, она уже убила столько людей, сколько было обусловлено, но сроки... Деньги можно получить лишь по окончании этих сроков. То есть через месяц и семнадцать дней.

Надежда одна: на переговоры с представителем «заказчика» – румынской разведки, на то, что они пойдут ей навстречу в связи с выполнением обговоренных требований и, конечно же, в связи с ее ранением.

Она запросила о встрече с представителем разведки и теперь ждала его, лежала и ждала.

Ее теперь мучили мысли о ее радостной печальке, маленьком сыночке Георге, живущем так долго без матери с бабушкой в городе Клайпеде. Линда за все это время не общалась с матерью – это очень опасно, все линии связи прослушиваются. Как они там? Здоров ли Георг? Как дела у мамы с ее

больными суставами?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.